

НООСФЕРОЛОГИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 140.8 + 17.023.36

ББК (Е) 28.01 + (С) 60.5 +(Ю) 87.7

В. В. Мантатов

БУДУЩЕЕ, КОТОРОГО МЫ ХОТИМ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ПРОГРЕСС

В статье проанализированы авангардные установки конференции ООН по устойчивому развитию на тему «Будущее, которое мы хотим» через феномен Устойчивого Прогресса, смысл которого состоит в бесконечном совершенствовании жизни, согласованным с требованием общего блага и устойчивости бытия.

Ключевые слова: устойчивость, прогресс, «Рио+20», ноосферный проект, общее благо, планетарный социализм.

Устойчивость —
первое условие общественного блага.
Как согласовать ее с бесконечным совершенствованием?
А. С. Пушкин

О двух интерпретациях Sustainability

Стандартное определение устойчивого развития (как развития, которое удовлетворяет потребности настоящего, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои потребности) имеет две трактовки. Они известны как «слабая устойчивость» и «сильная устойчивость». Первая интерпретация больше фокусируется на сохранении общего объема капитала, чем на сохранении природы.

Оспаривая эту трактовку, сторонники тезиса о «сильной устойчивости» доказывают, что для важнейших природных активов не существует реальной замены. Эти активы имеют основополагающее значение не только для нашей способности производить товары и услуги, но и вообще для жизни человека.

Очевидно, что накопление физического или иных видов капитала не может компенсировать потепление планеты, уменьшения озонового слоя и потерь в биологическом разнообразии. Сегодняшнее поколение не имеет права лишать будущие поколения людей дышать чистым воздухом, пить чистую воду, наслаждаться эстетикой природы. Это ограничило бы свободу потомков отдавать предпочтение красивой природе и полноценной жизни в гармонии с природой перед вульгарно-примитивной, потребительской «красивой жизнью» в окружении гаджетов и избытка товаров.

Могут ли денежные накопления заменить истощение природных ресурсов? Конечно, нет. Но различия между тезисами о сильной и слабой устойчивости не ограничиваются вопросом о том, может ли финансовый капитал заменить истощение природных ресурсов. Ключевое различие связано с факторами неопределенности и риска. Можем ли мы быть уверенными в том, что найдем способы компенсации ущерба, причиняемого текущим и будущим производством и потреблением? Ответ таков: нет, не можем. Рассмотрим это на примере устойчивости экосистем. Мы знаем, что до определенного порога экосистемы обладают способностью к самовосстановлению. Однако определить предел, достигнув которого они приходят в упадок, очень непросто. Экосистема в течение какого-то времени может выдерживать частичное разрушение до тех пор, пока не переходит какой-то неизвестный порог, после чего погибает.

Мы ведем с нашей планетой «азартную игру», полагают сторонники тезиса о «сильной устойчивости», которая приносит выгоды отдельным людям, в то время как издержки возлагаются на общество. Как отметил нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, банкиры и владельцы энергетических компаний, подвергающие опасности нашу планету, может быть, и урвут свой куш. Но в целом и почти наверняка мы, как общество, окажемся подобно азартному игроку в проигрыше. Ошибочные стимулы обеспечивают инвестиционным банкам и энергетическим компаниям скрытые выгоды вроде низкого предела ответственности, возможности спасения от банкротства и уверенности, что налогоплательщики примут на себя издержки. Поскольку эти компании не отвечают за все последствия возникающих из-за этого кризисов, они могут действовать излишне рискованно. Возьмем, например, утечку нефти на платформе глубокого бурения компании BP Deepwater Horizont в США в 2010 году. Конечно, неординарные события, имеющие такие значительные

последствия, предсказать трудно. Однако мы больше не можем позволить себе оставаться слепыми.

Джозеф Стиглиц предупреждает, что цена бездействия очень высока: «Если бы существовали другие планеты, куда мы могли бы с небольшими затратами переселиться в случае предсказанного учеными почти очевидного исхода, можно было бы сказать, что риск оправдан. Но таких планет нет, поэтому риск неоправдан» [4, с. 16]. Признание факторов риска и неопределенности во взаимодействии общества и природы подкрепляет тезис о «сильной устойчивости».

Еще большая неопределенность царит в отношении научно-технического развития и тех инноваций, которые появятся. Например, конвергентное развитие нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий создает небывалые риски и угрозы будущему человека и человечества. Многие инновации (искусственная ДНК, искусственный организм и др.) затрагивают глубинные основы жизни и чреваты губительными последствиями.

Конвергентное развитие вышеназванных технологий связано с кардинальной трансформацией человеческого тела, достижением интерфейса человек — машина. По мнению авторов концепции взаимосвязи конвергентных технологий М. Роко и В. Бэйнбриджа, конвергенция реализуется как синергичная комбинация четырех быстроразвивающихся областей науки и технологии: (а) нанотехнологии и нанонауки; (b) биотехнологии и биомедицины, включая генную инженерию; (с) информационные технологии, включая продвинутый квантовый компьютер и новые средства сетевой коммуникации; (d) когнитивные науки, включая когнитивные нейронауки. Предполагается также, что эти области научно-технической деятельности должны вступать в такое синергетическое взаимодействие, результатом которого явится становление качественно новой супернанотехнонауки, открывающей перед человеком и человечеством новые горизонты собственной эволюции, как осознанно направляемого трансформативного процесса [См.: 6].

Технократическая ориентация конвергенции технологий вызывает законную тревогу и вынуждает искать меры ее гуманизации. Российские философы, например, предлагают включить в систему конвергирующих технологий социо-гуманитарную технологию [См.: 3]. Речь идет не только о новой технике или новой экономике, но и новых формах социальности, о новом

понимании природы самого человека и его сознания. Уже на сегодня достигнуты крупные успехи в расшифровке мозговых кодов высших психических функций, явлений субъективной реальности [См.: 5].

«Поток новаций растет в геометрической прогрессии, — пишет московский философ Д. И. Дубровский, — но это влечет столь же быстрое нарастание проблем. И нынешняя ситуация такова, что контроль над размножением проблем уже фактически утрачен» [3, с. 5]. Эта ситуация ставит перед учеными задачу переосмысления устойчивого развития как направляемой (и управляемой) творческой эволюции мира; это еще один аргумент в пользу социализма, ибо только социализм способен обеспечить «учет и контроль» (В. И. Ленин).

Сторонники тезиса о «сильной устойчивости» справедливо настаивают на создании системы управления рисками, как в области окружающей среды, так и в сфере научно-технического развития. Кстати, эта позиция была поддержана Конференцией ООН по устойчивому развитию «Рио +20». В итоговом документе Конференции сказано: «Мы признаем важность комплексных оценок опасности и рисков. Мы обязуемся своевременно применять инструменты для оценки рисков и уменьшения опасности бедствий и повышать их эффективность».

От «неустойчивой модернити» к социальной устойчивости

Западные социальные мыслители все чаще высказывают мнение о том, что мир находится на пороге социально-политических потрясений. Многие исследования нынешнего положения дел в мире фиксируют общий упадок общества и отмечают предчувствие беды или катастрофы. В данном контексте особый интерес представляет концепция «неустойчивой модернити» Зигмунта Баумана. «В этом новом мире, — говорит З. Бауман, — мы живем в условиях «неустойчивой» или «текучей» модернити, где изменение — единственная константа, а неизвестность — единственная определенность. Это мир, лишенный цели и одновременно далекий от конца истории» [См.: 1]. Одной из главных характеристик этой «неустойчивой модернити» является «междувластие» (Антонио Грамши). Это междувластие, по мнению З. Баумана, обусловлено прогрессирующим отделением власти (способности заставить что-то делать) от политики (способности решать, что делать). «В результате

возникло несоответствие между задачами и инструментами: с одной стороны, власть все больше становится свободной от политического контроля, а с другой — политика все больше страдает от дефицита власти. Власть становится глобальной и внетерриториальной и вступает в конфликт с политикой, которая осталась такой же территориальной и локальной, как раньше» [См.: там же].

Зигмунт Бауман ставит вопросы, которые считает ключевыми для современной политики: как восстановить социальное государство в условиях глобализации? Можно ли заменить капиталистическое государство социальным государством? Можно ли защищать остатки социального государства с помощью средств, находящихся в распоряжении одного государства, в условиях сокращения ресурсов планеты? Может быть, социальное государство возможно только в рамках социальной планеты? Это действительно важные вопросы, требующие пересмотра аксиологических основ современной политики в целях устойчивого развития мира. Сегодняшняя политика капиталистических государств ориентирована, прежде всего, на защиту интересов господствующего класса — «класса благополучателей» и поддерживается мощными институтами изъятия доходов. Здесь и политическая, и экономическая власть сконцентрирована в руках узкой группы людей (чиновничьей и деловой элиты), которая распределяет богатства в свою пользу. В противоположность этой политике, стратегия устойчивого развития ориентирована на общее благо и базируется на инклюзивных институтах типа социального государства. Здесь широкие группы людей (народные массы) получают возможность влиять на принятие политических и экономических решений, что ведет к равномерному распределению богатства.

Воссоздание социального государства должно стать первым шагом на пути к социальной устойчивости в глобальном масштабе. Но диалектика такова, что можно добиться воссоздания и укрепления социального государства только в сплетении с замыслом создания «социальной планеты» в рамках посткапиталистической глобализации. Зигмунт Бауман говорит: «Биполярное противостояние коммунизма и капитализма (или тоталитаризма и демократии) на протяжении полувека успешно маскировало скрытые процессы глобализации» [См.: там же]. Здесь следует поправить З. Баумана. Во-первых, он грубо подменил понятия, отождествляя коммунизм с тоталитаризмом, а капитализм — с демократией. На самом деле тоталитаризм в своем генезисе неразрывно связан с капиталистической экспансией, а подлинная демократия и

есть коммунизм (социализм). То, что идеологи неолиберального гегемонизма называют «демократией» представляет собой эрзац демократии, или «капиталократию» по выражению Алена Бадью. Следовательно, необходимо «исправление имен» (Конфуций), то есть капитализм следует именовать тоталитаризмом, а социализм — демократией (народовластием). Во-вторых, противостояние коммунизма и капитализма является выражением борьбы двух линий, двух тенденций в процессе глобализации — капиталистической и антикапиталистической.

Бауман прав, когда он говорит, что «капитализм следует модели паразитических жизненных форм, паразитической эксплуатации». Однако, он уходит от ответа на вопросы: какие из существующих форм и установок придется заменить, что является целью развития? [См.: там же].

На наш взгляд, то, что придется сделать «текучими» и заменить, — это неолиберальный тоталитаризм и капиталистическая гегемония, альтернативой которой является множественность жизненных моделей демократического (социалистического) общества, ориентированных на устойчивое развитие.

Современные политические институты, по мнению Баумана, находятся в полном замешательстве по поводу того, что делать в долгосрочной перспективе. Одной из причин недееспособности политических институтов, в частности, их неспособности решить проблему устойчивого развития, является несопоставимость временных масштабов, характеризующих процессы устойчивого развития и сроков правления государственных структур, которые ограничены 4 или 5 годами. Исключением является руководство Китая, которое смело ставит такие задачи устойчивого (долговременного) развития страны, как построение социалистической экологической цивилизации.

С точки зрения долгосрочной перспективы наибольшую опасность представляет предельно высокий уровень потребления и расточительный образ жизни в капиталистических странах, приводящий к обеднению ресурсов планеты и эрозии жизненных условий. Как убедительно показал Харальд Вельцер, невозможно поддерживать постоянно потребительский образ жизни. «Такая ситуация, — пишет он, — предвещает начало войн за перераспределение дефицитных ресурсов» [См.: там же]. Чтобы предотвратить катастрофу, следует демонтировать капиталистическое общество потребления и найти новую цель общественного бытия, альтернативную формуле

приумножения капитала (прибыли) и рабской привязанности к буржуазно-потребительским ценностям.

«Наше все более раздробленное общество потребителей, — отмечает З. Бауман, — не склонное приветствовать человеческую солидарность, порождает конкуренцию, соперничество, стремление доказать свое превосходство, склонность к агрессии, вытеснению и изоляции. Неприязнь по отношению к другим группам и категориям позволяет людям выпустить пар и хотя бы отчасти избавиться от накопленных страхов и злобы, но это также говорит и о ностальгии по утраченному чувству товарищества и солидарности» [См.: там же].

Основная задача глобальной политики устойчивого развития состоит в радикальном изменении потребительского образа жизни людей и ниспровержении формулы меркантилизации общественной жизни, в поиске новых критериев и приоритетов человеческого благополучия и счастья. Именно на такой подход ориентирует нас Конференция ООН «Рио +20».

Для обеспечения социальной устойчивости, согласно «Рио+20», экзистенциально важное значение имеют такие аксиологические установки и принципы, как солидарность и справедливость доверие и инклюзивность, равенство возможностей и свобода выбора, неформальное и открытое сотрудничество, общее благо и общая безопасность, всеобщая, но дифференцированная ответственность за состояние мира, в т.ч. за риски угрозы и беды. Конференция ООН «Рио+20» заявила об общей приверженности построению ориентированного на устойчивое развитие современного и демократического глобального общества. А это и есть «социальная планета», или планетарный социализм. Только социализм способен обеспечить глобальную социальную устойчивость.

Гегемония неолиберального тоталитарного капитализма заканчивается. А это, в свою очередь, свидетельствует о начале подготовки к схватке за Будущее, которая характеризуется, по мнению А. Фурсова, нарастающим противостоянием сторонников неолиберальной модели и ее противников (Китай, отчасти даже Обама) [См.: 2]. На этом пути в Будущее одним из ориентиров должна стать Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20». Она дала адекватный ответ на вызов трех эпохальных перемен в жизни человечества — глобализации, технологической революции, кризиса мирового капитализма — и наметила контуры «Будущего, которого мы хотим».

От устойчивого динамизма к Устойчивому Прогрессу

Общепринятое определение устойчивого развития включает положение о том, что необходимо поддерживать социальную и экологическую устойчивость (sustainability) в течение неопределенно долгого времени. Сегодня, в условиях новой технологической революции, императива Sustainability недостаточно. Необходимо расширить этот императив, во-первых, аксиологическим требованием расширения свобод и возможностей людей вести тот образ жизни, «который они ценят и имеют основания ценить». Свободы и потенциал, позволяющие людям жить полноценной и достойной жизнью, не сводятся только к удовлетворению базовых потребностей. Понятие свобод и возможностей, основанное на признании того, что достойная жизнь должна иметь много сторон, дополняет понятия уровня жизни и потребления. Оно включает в себя свободу творчества, счастье и гармонию, участие в самоуправлении и управлении государством.

Мы должны ценить красоту природы безотносительно к ее непосредственному вкладу в наше материальное благосостояние. Мы должны уважать и ценить эстетические и иные формы деятельности, бесполезные с точки зрения их вклада в условия жизни. Мы должны стремиться к умеренности и ограничению материального потребления, связанного с эксплуатацией природных ресурсов, одновременно к расширению потребления духовных благ, товаров и услуг, порожденных «энергией Разума».

Во-вторых, необходимо дополнить стандартное определение устойчивого развития понятием прогресса. Смысл Устойчивого Прогресса состоит в бесконечном совершенствовании жизни, которое должно быть согласовано с требованием общего блага и устойчивости бытия. Прогресс неизбежно предполагает устойчивость, в свою очередь поддержание устойчивости возможно только в процессе совершенствования всех сфер жизни. Понятие Устойчивого Прогресса включает в себя не только «устойчивый динамизм экономики» (К. Шваб), но также совершенствование всех сфер природной и общественной жизни. Но самый главный императив Устойчивого Прогресса — развитие человека, совершенствование человеческих качеств. Для этого есть все возможности: мощные средства для устойчивого человеческого развития

создаются растущей конвергенцией научно-технических и социогуманитарных технологий. В рамках этой конвергенции поставлена вполне реальная задача совершенствования человека, его телесности и духовности. В человеке — все начала и все концы. Следовательно, совершенствование человеческих качеств — главное условие и главная цель Устойчивого Прогресса. В такой интерпретации стратегия Устойчивого Прогресса совпадает с концепцией практического гуманизма, или марксистского коммунизма. Понятие Устойчивого Прогресса позволяет оттенить социалистическую (коммунистическую) перспективу парадигмы устойчивого развития и одновременно наделить её космическим оптимизмом ноосферного проекта. Иначе говоря, стратегия Устойчивого Прогресса и есть ноосферно-социалистическая модель устойчивого развития мира.

Библиографический список

1. Зигмунт Бауман беседует с Винченцо Дела Сала // Россия в глобальной политике. 23 декабря 2012. Available from URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhduvlastie-15784> (доступ на 10.03.2013).
2. «Интеллектуалы, называющие Ларуша фашистом, не являются интеллектуалами!». Available from URL: <http://www/terra-amerika.ru/intellektuali-nazivaushie-larusha-fashistom-ne-yavlyautsya-intellektualami.aspx>.
3. Конвергенция биологических, информационных, нано и когнитивных технологий: вызов философии: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3—21.
4. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех (Доклад о человеческом развитии 2011). Available from URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf (доступ на 10.03.2013).
5. *Nishimoto Sh. et al.* Reconstructing Visual Experience from Brain Activity Evoked by Natural Movies // *Current Biology*. 2011. V. 21. P. 1641—1646.
6. *Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science* / Ed. by M. C. Roco and W. S. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer, 2002. 482 p.